

ПЕТЛЯ ВРЕМЕНИ

Что будет с этими и с теми,
когда в теплице добрых лиц
фигуры расставляет время
и не проигрывает блиц,

а ты испортил кадр, не дуб ли,
не время думать, с кем оно,
идет кино – сплошные дубли,
одно и то же кимоно,

одна пространства кривизна,
и как не пропасть, спроси у пчел,
что все не так – и так я знаю,
пятна на солнце не учел,

но вырвешься на дачу рано –
звенит скворца зубная нить,
достанешь юность из чулана
поверх щетины нацепить,

запело радио с причала,
проснулся в чашке муравей –
и вновь котенком заурчала
любовь за пазухой твоей.

ФОНАРИК

Светил против солнца, поэтому фокус нестойкий,
прикуплен по случаю, ржавый, как выпачкан йодом,
на рынке блошином, а мог бы пропасть на помойке,
фонарик-фонарик, нельзя быть таким идиодом,

гори все огнем, эти звезды – твои антиподы
на Млечном Пути пол-литрового деда Можая,
по спящему лесу туристских костров пароходы
плывут вдоль реки, на познание скорбь умножая,

проверишь в заначке количество реинкарнаций,
одну для себя оставлял еще хитрый патриций,
как много тщеты и за что бы не стоило браться,
а было всего-то делов – посветить и побриться,

в засосах осин и колдобинах глушь объездная,
подсев батарейкой, какой только чуши ни порем,
я в детстве считал, что умру, а теперь вот не знаю,
и небо звенит, как хрустальная люстра над полем.

ДЫМ И РЫМ

Зима, как штукатурка с потолка –
повсюду гипс рассыпан и размазан,
губой примерзла к берегу река,
и полынья мерцает щучьим глазом,

поземка брызжет кашей просяной,
рябины куст синицами изгвоздан,
сквозь острый воздух именно зимой
виднее обезжиренные звезды,

а ты большой и больше не шалишь,
а там, в овраге, лежище Прокруста,
сама с себя расщелинами лыж
скользит гора, опухшая от хруста,

валезника навяжешь второпях,
где, гнездами вороньими патлаты,
осины держат стужу на ветвях,
облезлые, как старые домкраты,

пока луна не выгнулась дугой,
уснешь в избе, вдали от глаз недобрых,
не разобрав, чей почерк над трубой –
шифровка или Пушкина автограф.

ПРИВЕТ ЗАБОЛОЦКОМУ

Чтоб, по-мичурински разумно, рассветом опылять сады,
шмели и бабочки-глазуньи взлетают со сковороды,
пока текут они сквозь сосны и незнакомых насекомых-
ых, выхожу в открытый космос, без зонтика и босиком,

я вижу землю, диск в полоску – пижама жабы на просвет,
края присыпаны известкой, как пионерский туалет,
клубится пыль с изнанки сада, где душно и полынь горчит,
как веточка от винограда, из тучи молния торчит,

скрипят уключины противно, заводят весла перестук,
сверкая, словно гильотина, выскальзывает лещ из рук,
где стрекоза, из Гулливера, случайных мошек расплескав,
трепешет рисклой глупомера и зыркает, как батискаф,

здесь есть всегда чем поживиться, травинкой время засеки,
в порядке шахматном пшеница и кукурузы косяки,
с гербом советского союза позеленевший столбик врыт,
и крутит сальто кукуруза початками икры без рыб.

ГАРДЕРОБ

Какая прелесть наше время то,
звенит на школьной вешалке пальто –
там-там живут монетки за подкладкой,
прорехой уворованы украдкой,

пришел апрель и тычется в стекло,
«прощайки», а под ними натекло,
готовься, только краски не сгущай –
наступит скоро «молодость прощай»,

не соглашусь, что возраст не беда,
себя увижу в зеркале когда –
унылый крендель, сдувшийся на треть,
и за подкладкой нечему звенеть,

зато свой копи-центр «Соломон» –
под сессию студентов миллион,
и, путаясь порою в их вещах –
я возвращаюсь в юность в трех плащах.